

«Sapere aude! — мужество пользоваться собственным умом»:

пролегомены к рефлексии

Багдасарьян Н.Г.,
д. филос. н., профессор,
профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия
ORCID: 0000-0003-0639-3987
nbagda@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой отклик на мемориальную книгу А.П. Огурцова «Отчуждение, рефлексия и практика», которая в 1967 г. была защищена как кандидатская диссертация. Особое внимание обращено на вторую главу книги — «Метаморфозы рефлексии», в которой А.П. Огурцов исследует трансформацию понимания рефлексии в западноевропейской философии, выделяя подход И. Канта как ключевой фигуры в этом процессе. Опираясь на методологический посыл А.П. Огурцова и обращаясь к одной из самых известных работ И. Канта «О вечном мире», обретающей новую актуальность в современном состоянии отечества и глобального мира, автор выходит на проблему добра и зла, сконцентрированную в войнах, их современный характер, парадоксальную роль нового типа вооружений. Уделено внимание основаниям технократического мышления элит, управляющих миром, а также возможности гуманистического влияния на субъекта — носителя технической рациональности в системе инженерного образования.

Ключевые слова: А.П. Огурцов, рефлексия, И. Кант, «О вечном мире», технологическая рациональность, техническая деятельность, инженерное образование.

Введение

Открывая текст мемориальной книги известного философа и методолога А.П. Огурцова «Отчуждение, рефлексия и практика» [1], в главе «Метаморфозы рефлексии» обнаруживаем параграф 1 — «Путь к Канту и проблема рефлексии» [1, с. 152–163]. Огурцов подчеркивает углубленное внимание Канта к проблеме рефлексии, которая для философа есть неотъемлемое свойство «рефлектирующей способности суждения» — способности «мыслить частное, как заключающееся в общем» [2, с. 16]. По Канту, рефлексия «есть такое состояние души (курсив Н. Б.), в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия» [3, с. 314]. Речь идет о трансцендентальной рефлексии, рассматривающей понятия не только лишь в рамках логической рефлексии, приводящей к двусмысленности, так как представления

сравниваются как нечто однородное, но рефлексии, включающей априорные нормы чувственности.

Для Канта этот вывод не был исключительно умозрительным суждением. В нем заключался методологический ключ к пониманию им любого рода практик. Так, по мнению К. Поппера, Кант формулирует суть идеи Просвещения как результат осмысления новой интеллектуальной традиции, порожденной ньютоновской теорией, которая явилась следствием не экспериментального или индуктивного методов, а интеллектуального поиска [4]. Кант же интерпретирует Просвещение как «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине... Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [5, с. 39]

Согласимся с тем, что девиз этот принадлежит не только эпохам, ставшим историей. Трехсотлетие Канта вовлекло в пространство его идей новые поколения интеллектуалов, а нас заставило перечитать давно знакомые работы. Поскольку творчество мыслителя затрагивает практически «все мотивы человеческого мышления о мире и жизни... и философы брали то, что представлялось важным им» [6, с. 336.], определим в многообразном спектре идей Канта то, что представляется нам остроактуальным в свете современной ситуации. Следуя завету великого философа о мужестве противостояния «несовершеннолетию», обратимся к той части его идей, где он предстает как «гражданин мира», как носитель идеи равенства и вечного мира, лежащих в основе культуры гуманизма.

Идея вечного мира

Идея вечного мира — сквозная в философской системе и теории культуры Канта. Он полагал, что признание морального прогресса человечества, естественное стремление сохранить уже достигнутую им высокую ступень цивилизации побуждают людей к установлению мира, хотя бы они того или нет. Кант не просто мечтатель, воспринимающий войну как разрушительную катастрофу, несущую гибель культурным ценностям, обрекающую людей на страдания, он сформулировал план предотвращения войны, содержащийся в шести статьях предварительного договора о «вечном мире».

Ограниченный формат текста не позволяет представить актуальный комментарий к каждой из них, однако даже беглый обзор дает понимание удивительного проникновения великого мыслителя в глубинную суть проблемы добра и зла, сконцентрированной в войнах:

- мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении сохраняется основа новой войны;
- ни одно самостоятельное государство (большое или малое — не имеет значения) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством;
- постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть, т. к. само их наличие побуждает государства вступать в войны, в промежутках между которыми страны стараются превзойти друг друга в наращивании вооружений;

- для целей внешней политики не должны использоваться государственные долги;
- государства не должны насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление других государств;
- во время войны государства не должны прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, мирное время [7].

Обратим внимание на то, что И. Кант, понимая всю сложность жизни обществ и государств, в каждой из позиций артикулирует оговорки: об условии всеобщего правового гражданского состояния (республики) в решении вопроса о войне, о необходимости защиты народом своей независимости, и поэтому граждан следует обучать самообороне, он признавал и уважал право каждого государства на мир, нейтралитет, когда соседние страны ведут войну. Его заботила, говоря современным языком, проблема сохранения культурного разнообразия: философ был против создания всемирного государства в процессе достижения вечного мира, предлагая организовать постоянный конгресс из представителей разных народов, способный разрешать споры мирным путем. И, словно предвидя жизнь миллионов людей, перемещающихся по свету в поисках лучшей доли, писал о законе «всеобщего гостеприимства».

Но если уж война неизбежна, то, подчеркивает он, следует стремиться к гуманизации способов ее ведения: она не должна быть карательной, истребительной или войной ради порабощения, когда подданные побежденного государства теряют свою гражданскую свободу, низводятся до положения колонии, рабов.

Ни до жизни И. Канта, ни после его смерти человечеству не удалось ни одного дня прожить без войн. Их масштаб, интенсивность, разрушительная сила, последствия — глобальные или локальные — менялись, война как феномен приобрела ползучий, гибридный характер, но из всего этого не следует бессмысленность великой идеи. Она по-прежнему служит нравственным ориентиром и для принятия решений, влияющих на судьбы народов, и для их оценки.

Техно-гуманитарный дисбаланс

Итак, проблема войны, агрессии, экономического и финансового давления, стремления к переделу мира актуальности не теряет, сопровождаясь все более совершенными технологиями, выступающими в качестве «аргумента».

Отдадим дань концепции профессора А.П. Назаретяна, сформулировавшего широко цитируемый закон техно-гуманитарного баланса (в определенной оптике можно усмотреть в нем развитие кантовских идей о «вечном мире» и гражданско-правовом устройстве общества): социальная агрессия снижается вследствие существования специфических механизмов адаптации человечества к растущему инструментальному могуществу. Технологический потенциал, качество культурной регуляции и внутренняя устойчивость социальной системы связаны между собой: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества» [8, с. 96]. Однако и при таком подходе получить практические

результаты не удается: многочисленные попытки формирования международных структур, призванных обуздать агрессию, оказываются малосостоятельны. Бал на планете правит дисбаланс, цена которого — судьбы людей и целых народов.

Homo faber: вооружен и очень опасен

И. Кант отмечал, что культура простых умений способна проложить дорогу злу, если культура дисциплины не составит ей надежного противовеса [9]. Мыслитель многократно обращался к категории дисциплины, рассматривая ее весьма широко. Позволим себе выбрать в данном контексте аспект технической рациональности как воплощение культуры дисциплины. Техническое могущество не производит себя само. Его творцом, носителем и эксплуататором выступает инженер. Сегодня не только интеллектуалов волнует одна из самых животрепещущих проблем современного мира: как влияет техносфера на человека, представляет ли техногенная деятельность — в каких бы формах она не осуществлялась — реальную опасность для индивида и общества?

Несомненно, важно понимать, что инженер, изобретатель следует за логикой технической рациональности, извлекая ее из потенциального бытия самой техники, выступая в роли медиума, связующего звена между техникой, обществом и властью. Становясь носителем технической рациональности, сакрализуя силу специализированного знания, он включается в технократический дискурс как агент власти определенного типа, в том числе власти политической, руководствующейся идеями технологического детерминизма в его оптимистическом варианте. Власть, где политическое решение подчиняется рационально-техническому, включая решение о войне и мире.

Не следует думать, что образ этого типа власти появился лишь в эпоху научно-технической революции. Идея особого предназначения людей, обладающих нужным для эффективного достижения общественных целей знанием, принадлежит еще Сен-Симону. В его системе политического устройства эта роль отводилась «промышленникам». Он полагал, что они, обладая практическим опытом, лучше других знали, что и как надо производить для блага общества. По мере индустриального развития общества, дифференциации профессиональной сферы и знания, на первый план выдвинулись технические специалисты, которые в силу своего образования выступают носителями технической рациональности.

Теоретическим обоснованием авангардной роли технократии стала книга Т. Веблена «Инженеры и система цен» [10], где аргументирован тезис о том, что именно технические специалисты способны обеспечить рост общественного и индивидуального благосостояния в противовес частноблагочестивым интересам бизнесменов-промышленников. Надо принудить их отказаться от своей власти и передать ее совету техников, которые обладают достаточными знаниями и умениями, чтобы снять конфликт между явно отстающими в своем развитии институциональными формами и техническим прогрессом.

Многие последователи Т. Веблена, основываясь на оптимистической оценке огромных возможностей, которые предоставляют человеку техника и наука, выводили их на первый план социального развития, подчеркивая второстепенную роль политических, юридических, моральных факторов. В США была даже реальная попытка осуществить его идею замены политических структур техническими советами, организованными в строго

централизованную систему. Лобовая атака, разумеется, не удалась, однако с середины XX века появились работы, в которых технократы стали рассматриваться как своего рода новый класс, занявший ведущие позиции в традиционных структурах управления.

Технократический тип мышления укоренился и в среде, непосредственно связанной с научно-техническим прогрессом, и в других социальных слоях развитых обществ: носителями технократических установок и стереотипов могут выступать (и часто выступают) не только технические специалисты.

Практическим следствием критической философии явилась, в частности, формировавшаяся в американских университетах в результате осмысления возможных последствий развития ядерной энергии и реальных последствий бомбардировок Хиросимы и Нагасаки концепция гуманизации инженерного образования: в учебные планы инженерных специальностей были включены блоки дисциплин социально-гуманитарной направленности, обязательные для изучения студентами. По сути, это была попытка компенсировать узкопрофессиональное обучение, ведущее к технократизму как типу мышления и способу деятельности.

На рубеже 80–90-х годов прошлого столетия идеи гуманизации технического образования обсуждались и в России. Гуманитарные курсы начали читаться в инженерных вузах, первым из которых, где была создана кафедра социологии и культурологии, стал МГТУ им. Н.Э. Баумана — оплот подготовки квалифицированных инженерных кадров, в первую очередь, для оборонной промышленности. Миссией кафедры стало формирование социокультурной компетентности инженеров, которая прежде была элитарной характеристикой технической деятельности, а сегодня в ней нуждается все общество. Ведь человек только тогда человек, когда он Homo sapiens.

Оружие: техника и парадокс

В музеях мира представлены образцы древнего оружия, каждый из которых являет собой произведение искусства. Однако было бы странным обсуждать оружие современное с позиций красоты. Его главная задача — быть эффективным. Его оправдание — *необходимость самозащиты от внешней агрессии*. Между тем в существовании и наращивании военного арсенала таится немало парадоксов. Один из них в том, что плоды науки, причем самых передовых ее отраслей, и значительная часть ресурсов — материальных и нематериальных, в частности, интеллекта квалифицированных специалистов — используются для подготовки к войне. Не имеет при этом значения, перерастет эта подготовка в реальную войну или нет.

Какие потребности общества удовлетворяют военная техника и вся инфраструктура вооруженных сил? Кажется, что ответ лежит на поверхности — потребность в безопасности. Но характеристики современных средств ведения войны (не только ядерных ее видов, но и таких как БПЛА, используемых в широчайшем диапазоне назначений) подрывают гарантию того, что они, будучи направлены на противника, не обернутся против инициатора агрессии. Эксперты даже оперируют так называемыми «критериями Макнамары», определяющими масштабы «*гарантированного уничтожения*» противника в ответном ударе [11, с. 10].

То есть аргумент самозащиты общества применительно к наращиванию вооружений в свете современного оружия не выглядит столь убедительным, как прежде.

Любая техническая деятельность исходит из образа будущего, разворачиваясь сегодня в контексте цифровых технологий и искусственного интеллекта. Из средства, отвечающего на социальные потребительские вызовы (обеспечение комфорта, качества жизни, ее продолжительности и пр.), техника превратилась в агента-provokatora, создающего избыточные возможности, преодолевающего границы пространства и времени, способствуя социальному неравенству, сокращая культурное разнообразие. И, может быть, самое существенное — лишая человека субъектности (как «human upgrade» в трансгуманистическом подходе). Характер этих последствий оценивается по-разному. Так, исследователи искусственного интеллекта обнаружили, что не обладают средствами квалифицированной оценки возможностей, последствий и рисков искусственного интеллекта типа счетчика Гейгера.

Не случайно сошли на нет дискуссии о нейтральности техники, заместившись вопросами об инженерной этике, об оценке последствий инженерной деятельности, о том, как влияет она на наш жизненный мир, на природу самого человека. В этом пространстве стирается демаркация между творцами инженерно-технической реальности и философами, задающими подобные вопросы как бы со стороны. Моральный закон, сформулированный великим мыслителем как категорический императив, носит универсальный характер.

Послесловие

Импульс к написанию текста исходил из упомянутой книги А.П. Огурцова, основу которой составила его кандидатская диссертация. Александр Павлович уж точно был философом, имевшим «мужество пользоваться своим умом». В книге — приглашение к диалогу, к дискуссии, к разворачиванию вечных философских тем на материале современной жизни. Вот *отчуждение*, проникшее также и в современную науку, в которой «растет число исследователей, не понимающих цели своей деятельности, не постигающих ее целостности и выполняющих вспомогательно-вычислительные, формальные, а не содержательные операции» [1, с. 137]. Вот *рефлексия*, в размышлении о которой Огурцов обращается к немецкой традиции, в первую очередь к Канту. А мы вспоминаем «О вечном мире». Вот *практика*, как «форма взаимодействия человека как универсально-всеобщего существа с бытием», обретающим все более сложный и неопределенный характер. Мы оставляем открытыми выводы, которых обычно требуют стандарты статей в журналах высокого уровня. И продолжаем рефлексию насущных практик. А что еще может сделать философ?

Литература

1. Веблен Т. Инженеры и ценовая система. М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 2018.
2. Веселов В.А., Лис А.В. Ядерное сдерживание. М., 2005.
3. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995.
4. Кант И. К вечному миру. М.: ООО Группа компаний «РИПОЛ классик». 2018.
5. Кант И. Критика способности суждения. СПб. 1898.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 3. М., 1966.
7. Кант И. О педагогике. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
8. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Собр. Соч.: В 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8.
9. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: Когито-центр. 2001. 361 с.
10. Огурцов А. Отчуждение, рефлексия и практика. М.: Голос, 2024. 426 с.
11. Поппер Карл Р. Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения. / Пер. с нем. И.З. Шишкова. Изд 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 56 с.

References

1. Kant I. K vechnomu miru. M.: ООО Gruppy kompanij «RIPOL klassik». 2018.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Soch. T. 3. M., 1966.
3. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. SPb. 1898.
4. Kant I. O pedagogike. Kant I. Traktaty i pis'ma. M., 1980.
5. Kant I. Otvet na vopros: CHto takoe Prosveshchenie? // Kant I. Sobr. Soch.: V 8 t. M.: CHORO, 1994. T. 8.
6. Nazaretyan A.P. Civilizacionnye krizisy v kontekste Universal'noj istorii: Sinergetika, psihologiya i futurologiya. M.: Kogito-centr. 2001. 361 s.
7. Ogurcov A. Otchuzhdenie, refleksiya i praktika. M.: Golos, 2024. 426 s.
8. Popper Karl R. Vse lyudi — filosofy: Kak ya ponimayu filosofiyu; Immanuel Kant — filosof Prosveshcheniya. / Per. s nem. I.Z. SHishkova. Izd 2-e. M.: Editorial URSS, 2003. 56 s.
9. Veblen T. Inzhenery i cenovaya sistema. M.: Izd-vo GU VSHE. 2018.
10. Veselov V.A., Lis A.V. Yadernoe sderzhivanie. M., 2005.
11. Vindel'band V. Filosofiya v nemeckoj duhovnoj zhizni XIX stoletiya // Vindel'band V. Izbrannoe: Duh i istoriya. M.: YUrist, 1995.

«Sapere aude! — courage to use one’s own mind»: prolegomena to reflection

Bagdasaryan N.G.,
D. Philosopher Sc., professor,
Professor of MSTU named after N.E. Bauman,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia
ngbagda@mail.ru

Abstract: The article is a response to the memorial book of A.P. Ogurtsov “Alienation, reflection and practice”, which was defended as a candidate’s dissertation in 1967. Particular attention is paid to the second chapter of the book — “Metamorphoses of Reflection”, in which A.P. Ogurtsov explores the transformation of the understanding of reflection in Western European philosophy, highlighting the approach of I. Kant as a key figure in this process. Based on the methodological message of A.P. Ogurtsov and turning to one of the most famous works of I. Kant “On Eternal Peace”, which is gaining new relevance in the modern state of the fatherland and the global world, the author addresses the problem of good and evil, concentrated in wars, their modern nature, the paradoxical role of a new type of weapons. Attention is paid to the foundations of the technocratic thinking of the elites who rule the world, as well as the possibility of humanistic influence on the subject — the bearer of technical rationality in the system of engineering education.

Keywords: A.P. Ogurtsov, reflection, I. Kant, “On Eternal Peace”, technological rationality, technical activity, engineering education.